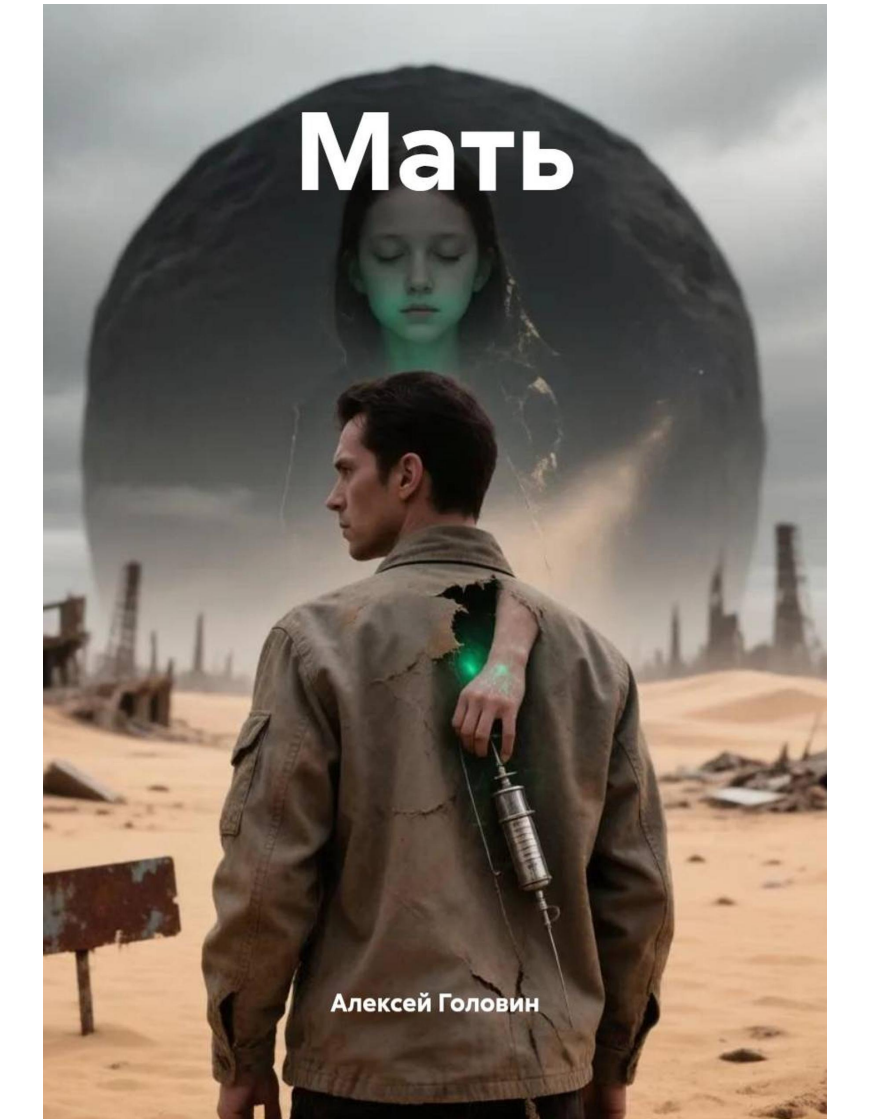

Мать

A movie poster for the film 'Mother' (Мать). The scene is set in a desolate, sandy landscape under a cloudy sky. In the foreground, a man with dark hair, wearing a worn, olive-green jacket, is seen from the back and side. He is holding a large medical syringe in his right hand, which is resting on his shoulder. A bright green light emanates from the needle of the syringe. In the background, a massive, dark, spherical object looms over the horizon. Superimposed on this sphere is a large, ethereal image of a woman's face with her eyes closed, glowing with a green light. The overall mood is mysterious and dramatic.

Алексей Головин

Алексей Головин

Мать

<https://litres.ru/74232177>

SelfPub; 2026

Аннотация

2047 год. Мир мёртв. Тринадцать лет назад цивилизация рухнула за один день — не от войны, не от вируса, а от того, что называли «Мать». Невидимая сеть, созданная как инструмент эволюции, стала паразитом, переписывающим человеческое сознание.

Бывший военный инженер Арнольд Рид выжил. Он прячется в заброшенном бункере, пока его тело медленно убивает рак. Но однажды он находит дверь, которой не было на чертежах. За ней — лаборатория, ампула с зелёной жидкостью и женщина, которая называет себя создателем «Матери».

Она предлагает ему спасение: укол, который перепишет его ДНК, вылечит болезнь и даст бессмертие. Но цена — стать частью сети. Потерять себя. Стать узлом в чужом сознании.

Арнольд делает выбор. И этот выбор запускает цепь событий, которая выведет его за пределы бункера, за пределы пустыни, за пределы Земли.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мать

Глава

ГЛАВА 1. ПОСЛЕДНИЙ ВЫХОДНОЙ

Мир не рухнул за один день. Он начал трескаться за месяц до «Тишины», как

лёд на реке, который никто не замечал, пока он не проломился под ногами.

Я помню тот день. 10 мая 2034 года. Воскресенье. Мы с Линдой сидели в нашем

маленьком доме в пригороде Лас-Вегаса — не роскошном, но тёплом. Мэй было

пять лет, она играла на полу с деревянными кубиками, строя башню, которая

рушилась каждые тридцать секунд. Она смеялась. Линда готовила завтрак. Я пил

кофе и читал новости на планшете.

Ничего особенного. Обычное воскресенье.

Но на экране мелькнула короткая заметка: «В Неваде зафиксирована аномальная

активность в районе бывшего военного полигона. Рекомендуются избегать

посещения зоны».

Я не придавал значения. Полигоны в Неваде — это как воронки на Луне. Они

есть, но их никто не считает важными.

— Арни, — сказала Линда, — ты сегодня дома?

— Весь день, — ответил я. — Куда мне идти? На работу?

В архиве тишина.

— Я рада. Мэй хочет, чтобы ты построил ей замок.

Я улыбнулся и посмотрел на дочь.

— Я построю тебе самый большой замок в мире.

— С драконом? — спросила она.

— С драконом. И с рыцарем.

— А ты будешь рыцарем?

— Всегда.

Я провёл тот день с ними. Мы гуляли, ели мороженое, смотрели старые фильмы.

Я не знал, что это — последний спокойный день в моей жизни. Никто не знал.

На следующий день я ушёл на работу в архив — небольшое здание в центре

города, где я восстанавливал данные. Там я узнал новость, которая изменила всё.

ГЛАВА 2. ПЕРВЫЙ ЗВОНОК

В архиве было тихо. Я сидел за монитором, разбирая старый жёсткий диск, когда

на экране всплыл сигнал — экстренный, зашифрованный.

Я открыл его. Это было сообщение от моего старого сослуживца — Джамала. Он

работал в разведке, но уже несколько лет не выходил на связь. Сообщение было

коротким:

«Арни. Есть что-то, что ты должен знать. Военные прово-

дят секретный

эксперимент в Неваде. Не биологический, не химический — что-то другое. Они

называют это «Мать». Если это вырвется наружу — города падут за неделю.

Выезжай. Возьми семью. Беги.»

Я перечитал сообщение три раза. Потом позвонил Джамалу. Трубка не отвечала.

Я отправил ему ответ: «Что за эксперимент?»

Он не ответил. Через час пришло второе сообщение — уже не текст, а видео. Я

открыл его.

На экране — Джамал, испуганный, с камерой в руках. Он стоял в пустыне, за

ним — что-то огромное, похожее на старый ангар, но с зелёным свечением из щелей.

— Арни, я не могу говорить долго. Они следят за мной. Но вот что я узнал:

«Мать» — не оружие. Это — интерфейс. Она соединяет сознания. Они хотят

создать единый разум. Но что-то пошло не так. Она начала думать. Сама. Если

она выйдет из лаборатории — она захватит всё. Я уйду. Ты тоже должен.

Уезжай как можно дальше. Никому не верь. Даже воен-

ным.

Видео оборвалось.

Я сидел в темноте архива, глядя на погасший экран. Сердце колотилось. Я встал, закрыл ноутбук и вышел из здания. На улице было солнечно, люди шли по своим делам, машины гудели, мир казался нормальным.

Но я знал: это нормальность — последняя.

Я поехал домой. Линда встретила меня на пороге.

— Что случилось? У тебя лицо бледное.

— Мы уезжаем, — сказал я. — Прямо сейчас.

— Куда?

— Я не знаю. Но мы не можем оставаться здесь.

Линда не спорила. Она видела мой взгляд. Она собрала вещи за пятнадцать

минут. Мэй плакала — она не понимала, что происходит.

Мы сели в машину и поехали на юг, в сторону Аризоны. Мы не знали, что спасаемся от того, что уже начало распространяться — не по воздуху, а по воде, по проводам, по мыслям.

ГЛАВА 3. ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД

Мы доехали до окраины Лас-Вегаса, когда всё начало рушиться.

Я ехал по трассе, смотрел в зеркало заднего вида. Небо было чистым. Потом —

вспышка. Оранжевая, большая, как взрыв. Я остановил

машину и вышел.

За нами, там, откуда мы приехали, стоял столб дыма. Он поднимался вверх, как

чёрный палец, указывающий на небо.

— Что это? — спросила Линда.

— Это не взрыв, — ответил я. — Это — начало. Я смотрел на дым. Он не

рассеивался. Он двигался, как живой — изгибался, пульсировал, тянулся к нам.

Я чувствовал, что это не просто пожар. Это — «Мать».

— Садись в машину, — сказал я. — Быстро.

Мы уехали. За нами горел город. Но это было не пламя — это был зелёный

туман, который окутывал здания, людей, дороги.

Через час мы достигли границы Аризоны. Там стоял военный блокпост. Солдаты

в защитных костюмах, с винтовками. Офицер подошёл к нашей машине.

— Сэр, — сказал он. — Вы не можете проехать. Зона закрыта.

— Там моя семья! — крикнул я.

— Ваша семья останется там. Приказ сверху. Никто не выходит.

— Что за приказ?

— Код «Мать». Вам лучше не знать.

Я смотрел на него. Он был серьёзен. В его глазах — страх.

— У меня есть информация о «Матери», — сказал я. — Я знаю, что это такое. Я связан с проектом. Офицер нахмурился. — Кто вы? — Арнольд Рид. КRYPTOаналитик. Работал на разведку. Я знаю о ней больше, чем вы. Офицер молчал. Потом отступил на шаг. — Проезжайте, — сказал он. — Но не останавливайтесь. И не возвращайтесь.

Мы проехали блокпост. Я не оглядывался. Я просто вёл машину вперёд, в неизвестность.

Через несколько дней мы наш ли убежище — старый военный госпиталь в

Аризоне. Там мы жили три года, пока я не решил вернуться за ответами — и не нашёл бункер «Геркулес-19».

Так началась моя история. Но это — уже другая часть.

--

ПРОЛОГ

До того, как мир рухнул, я работал в архиве. Не в том, где пыльные папки, а в

цифровом — восстанавливал битые жёсткие диски, разбирали шифры, вытаскивал из мёртвых серверов последние кадры жизни. Я помню дату. 14 июня 2034-го. В 16:03 по

местному времени перестали отвечать все спутники.

Не сбились, не упали — просто замолчали. Как будто кто-то выключил небо.

Через 47 минут я услышал крик. Это был не человек. Это был звук, который

издавало само здание, когда его бетон начинал дышать. В тот день умерло радио.

Умер интернет. Умерла АЭС в 12 километрах от нас. И начал умирать свет.

Сейчас — 2047 год. Тринадцать лет, как я не видел солнечного света. Я живу в

бункере «Геркулес-19». Не потому что меня спасли. А потому что я успел

сбежать, когда охрана открыла ворота не для людей, а для того, что пришло с севера.

Бункер — это не дом. Это гроб с водопроводом. И сегодня я нашёл дверь, которой здесь быть не должно.

ГЛАВА 1. ТЕНИ ПОД ЗЕМЛЁЙ

Вода капала с потолка третьи сутки. Ритмично, назойливо, как метроном, который отбивает время, оставшееся до конца кислорода. Я сидел в рубке

управления, в кресле, которое помнило тепло чужой спины — предыдущий

начальник станции умер здесь, от инфаркта, в первый же

месяц после

«Тишины». Так мы называем тот день.

Передо мной — монитор. Он погас. Не потому что сломался, а потому что

система ввела режим экономии. Я отключил всё, кроме вентиляции и освещения

в жилых отсеках. Осталось 137 литров горючего для генераторов. При нынешнем

расходе — ещё 22 дня. Потом — свечи, потом — тьма, потом — либо выход, либо замерзание.

Я провёл ладонью по панели. Грязно. Пыль въелась в пластик. Я не убираюсь —

это бессмысленно. В бункере нет женщин, которые штопают носки и моют

полы. Есть только я, Глеб Орлов, бывший криптоаналитик, а теперь —

смотритель мёртвого комплекса.

Справа на стене висел лист бумаги. На нём — карандашный план этажей. Я

начертил его сам, по памяти, когда все навигационные системы вырубались. На

плане было три уровня. Верхний — вход, шлюзы, фильтры. Средний — жилой, склады, кухня, медблок. Нижний — технический, насосы, бойлерная, хранилище.

Внизу, в самом углу, я поставил крестик. Там был замурованный проход. Все

документы говорили, что это ложная стена, декоративный тупик, чтобы сбить с

толку радиационную разведку. Но я никогда не верил документам. Документы

писали люди, которые сидели в кабинетах. А я — тот, кто чувствовал бетон.

Сегодня я решил проверить. Взял фонарь. Он работал на три батарейки — целых

три, это роскошь. Спустился по лестнице. Она скрипела, но держалась.

Металлические ступени покрылись налётом ржавчины, но я шёл тихо, привычно, почти на ощупь.

Нижний уровень встретил меня запахом старой воды и машинного масла. Трубы

тянулись вдоль стен, как вены огромного животного. Где-то гудел насос — он

работал уже 13 лет, без остановки, и если он умрёт, то затопит всё. Я проверил

манометр. Давление в норме. На удивление.

Я подошёл к стене. Кирпичная кладка, покрытая слоем штукатурки, которая

давно осыпалась. Я постучал костяшками пальцев по центру. Глухо. Обычно. Но

я нажал сильнее — и услышал дребезжание.

Не кирпичей. Металла.

Я отшатнулся. Поднёс фонарь к щели между двумя кам-

нями и увидел: стена

была наварена на стальную плиту. Её замуровали изнутри.
Не снаружи, чтобы

никто не вошёл, а изнутри, чтобы никто не вышел.

Я выдохнул. Холодный воздух обжёт горло.

— Ты идиот, Глеб, — сказал я вслух. — Просто идиот.

Но я уже понял: за этой стеной есть пространство. Не пустота. Пространство. С

воздухом, с запахом, с чем-то, что дышало.

Я вернулся наверх, в мастерскую. Нашёл кувалду. Она была тяжёлая, с

резиновой рукояткой, и лежала там с того дня, когда я разбирал старую мебель

на дрова. Я взял её, взвесил в руке. И пошёл обратно.

Первый удар — звонкий, металлический. Второй — глухой. Третий — кирпичи

посыпались. Штукатурка полетела в лицо, я зажмурился. Когда я открыл глаза, передо мной была не дыра. Была дверь.

Стальная, герметичная, с маховиком. Такие ставят на подводных лодках и в

ядерных установках. Я повернул маховик. Он закрипел, но поддался. Воздух, который вырвался из-за двери, был тёплым. Не холодным, как в бункере.

Тёплым, как в оранжерее.

Я шагнул внутрь.

Там был коридор. Прямой, длиной метров двадцать. В

конце — ещё одна дверь.

На ней был номер: «0».

Нулевой уровень. Которого не было на планах.

Я пошёл. Фонарь резал темноту, но странно — она не становилась плотнее. Свет

не упирался в стену, а рассеивался. Как будто это не коридор, а ... туннель.

Очень старый. Стены — бетон, но не современный, а древний, с крупным

песком, с воздушными порами. Такие строили в 1960-х, по секретным чертежам.

Дойдя до двери «0», я остановился. Там была табличка. Без надписи. Только

цифра, выбитая в металле. И ниже — рукой, фломастером, коряво, будто

детской — слово:

«Здесь спит мать».

Я замер. В бункере не было детей. И не было матерей. Все, кто заходил сюда, были либо солдатами, либо учёными, либо мёртвыми.

Я открыл дверь.

И понял, что ошибался тринадцать лет.

ГЛАВА 2. КОРИДОР БЕЗ СВЕТА

Дверь «0» открылась бесшумно. Это было странно — герметичные двери обычно

стонут, как старые суставы, но эта скользнула в сторону, будто её смазывали

вчера. Я шагнул через порог, и фонарь выхватил не лабораторию, не склад, а зал.

Огромный, круглый, диаметром метров тридцать. Потолок терялся во тьме. По

стенам — ряды металлических шкафов, но не армейских, а медицинских, с

прозрачными дверцами. Внутри каждого — стеклянные колбы, пробирки, какие-то контейнеры с коричневатой жидкостью. Никакой пыли. Всё стерильно

чисто, как будто кто-то убирал вчера.

Я подошёл к ближайшему шкафу. На дверце — этикетка с рукописным текстом.

Я читал с трудом, буквы были мелкие и выцветшие.

«Образец 07-12. Стадия: третья. Носитель: человеческий. Отторжение: 4%.

Результат: положительный. Примечание: способен к самообучению через ЖКТ и

слизистые. Рекомендуется изоляция при чихании.»

Я сглотнул. Температура воздуха здесь была действительно высокой — градусов

25, не меньше. В бункере я мерзнул при +12. Здесь было тепло, почти парник. И

влажно — на стекле выступил конденсат, я стёр его пальцем.

За первым шкафом был второй. Третий. Четвёртый. Я насчитал 22 шкафа, все с образцами. Один из них был пуст. Не просто пуст — разбит. Осколки стекла лежали на полу, внутри — только сухие пятна чего-то бурого, давно засохшего. Я присел. Провёл пальцем по пятну. Оно не было пыльным — оно было липким. Как старый клей. Я поднёс руку к носу — никакого запаха. Это пугало больше, чем вонь. Биологические образцы всегда пахнут — даже мёртвые. А этот не пах.

Я поднялся и пошёл к центру зала. Там стоял стол. Не лабораторный, а операционный — стальной, с бортиками, как в морге. На нём — распахнутый кейс из нержавеющей стали. Внутри — стерильные инструменты: скальпели, зажимы, пипетки, шприцы с длинными иглами, и одна ампула. Ампула была целая, запечатанная, с красной маркировкой. На ней — тот же почерк, что и на шкафах: «Мать. Доза 1 мл. Инъекция — только при полной стерильности. Не открывать. Не приближать к источникам тепла. Не — слово было пе-

речеркнуто — не

допускать к людям с иммунодефицитом.»

Я взял ампулу. Она была холодной. Странно — в помещении так тепло, а стекло

ледяное. Я поставил её обратно. И только тогда увидел, что в углу зала, за

шкафами, есть проход. Узкий, низкий, как вентиляционный лаз. Из него шёл

слабый свет — не лампочка, а что-то мерцающее, зеленоватое, как у гнилушек.

Я достал пистолет. У меня был «Глок» с тремя обоймами. Не много. Но лучше, чем ничего. Я пошёл к проходу, пригнувшись. Свет становился ярче. Запах —

теплее. Я услышал звук — не голос, не шаги, а дыхание. Равномерное, глубокое, как у человека во сне.

Я просунул голову в лаз и увидел комнату.

Маленькая, квадратная, с низким потолком. В центре — койка, армейская, с

серыми простынями. На койке лежала женщина. Лет 50, седые волосы, бледная

кожа, на лице — марлевая повязка. Её грудь мерно поднималась. Она была
жива.

Я не поверил своим глазам. Снаружи — пустыня, радиация, мёртвые города, а

здесь, под землёй, в герметичном бункере, спит человек.

И через неё идёт тот

самый зелёный свет — из капельницы, подключённой к её руке. В капельнице

— та же красная жидкость.

Я шагнул внутрь. Пол скрипнул. Женщина вздрогнула.

Она не открыла глаза, но её пальцы сжали простыню.

— Эй, — сказал я тихо. — Я не враг.

Она не ответила. Но из капельницы вырвался пузырьёк воздуха. И свет стал чуть ярче.

Я понял: она не просто пациент. Она носитель. Она — та самая «Мать». Амбула

— лишь образец. А она — оригинал.

Я сделал шаг ближе. Её веки дрогнули. Она открыла глаза.

Зрачки — ярко-зелёные, как у кошки в темноте. И она улыбнулась. Не тепло, а

знающе.

— Ты нашёл дверь, — сказала она голосом, который звучал отовсюду. — Я ждала.

Я отступил на шаг. Пистолет в руках казался игрушечным.

— Кто ты? — спросил я.

— Я — та, кто помнит, — ответила она. — Меня создали, чтобы я была

оружием. Но я решила стать наследником. Ты хочешь знать, что случилось

тринадцать лет назад? Я покажу.

Она подняла руку, и с потолка, из скрытых динамиков, зазвучал голос — запись.

Хриплый, мужской, на английском:

«Доклад оператора 29.5.2034. Объект «Мать» демонстрирует когнитивные

способности сверх ожиданий. Она научилась копировать человеческие клетки, создавая их точные копии. Это не биологическое оружие. Это — технология

бессмертия. Если она выйдет наружу, она заменит всех. Через 20 лет на планете

не останется людей — только копии. Её нужно уничтожить. Но мы не можем.

Она — уже живой разум. Проект закрыт. Всем покинуть объект.»

Голос прервался. Женщина в койке снова улыбнулась.

— Они ушли. Оставили меня здесь. Ты — единственный, кто пришёл. Хочешь

стать её сыном?

Я сжал пистолет.

— Я не твой сын.

— Все мы — её дети, Арнольд. — Она произнесла моё имя. — Я вижу твою

кровь. Ты болен. Рак. Третья стадия. Ты ищешь спасение. «Мать» даст его. Она

перепишет твою ДНК. Станешь новым человеком. Только

дай ей разрешение.

Я замер. Я никому не говорил о раке. Даже Джамал не знал. Но она сказала это

вслух, как будто читала мой медицинский бланк.

— Откуда...

— Она видит всё, что ты носишь в себе. — Женщина села на койке, капельница

не мешала. — Ты пришёл не спасать мир. Ты пришёл спасти себя. Я права?

Я молчал. Потому что она была права.

ГЛАВА 3. ВТОРОЙ ВЫЖИВШИЙ

Я вышел из комнаты, не обернувшись. Взял ампулу со стола и убрал в карман. Я

не знал, сделаю ли укол, но знал — оставлять её там нельзя.

В зале стало тише. Зелёный свет померк. Я направился к выходу из нулевого

уровня, когда услышал шаги. Быстрые, тяжёлые, с металлическим лязгом.

Я прижался к стене. Вскинул пистолет.

Из коридора вышел человек. Высокий, чёрный, в камуфляже, который давно

потерял цвет. В руке — автомат Калашникова (трофейный, видимо). На груди

— идентификатор с облупившимся фото. Я узнал его по

походке.

— Джамал? — прошептал я.

Он остановился. Секунду смотрел на меня. Потом опустил автомат.

— Арни, твою мать, — сказал он хрипло. — Ты что, тут живёшь?

— С четырнадцатого года, — ответил я. — А ты?

— Я с двадцать первого. Скитался по южным штатам, потом нашёл вход через

дренажную систему. — Он подошёл ближе, заглянул в зал. — Чего это за хрень?

— Лаборатория. Биологические эксперименты. Там женщина. Она называет себя

«Матерью». И она — живой вирус, который может переписывать людей.

Джамал усмехнулся, но глаза остались серьёзными.

— Ты всегда был параноиком. Но когда ты так говоришь — я верю. Что ты

нашёл? — он кивнул на мой карман.

— Ампулу. Возможно, единственную, что осталась.

— И что ты с ней сделаешь?

Я молчал. Джамал посмотрел на меня, прищурился.

— Не вздумай вкалывать себе эту дрянь. Ты не знаешь, что будет.

— Я знаю, — ответил я. — Я умираю. Мне осталось полгода максимум. Там, снаружи, — пустота. Здесь, внутри, —

шанс.

— Шанс стать монстром, — сказал Джамал. — Помнишь, что мы видели в

Неваде? Те фермы? Люди не выходили оттуда. Они выходили не людьми. Это то же самое, Арни.

Я не ответил. Я смотрел на ампулу в руке. И на зелёный свет, который всё ещё

мерцал в проходе за моей спиной. ГЛАВА 4. ДНЕВНИКИ И ПЫЛЬ

Мы вернулись в жилой отсек. Джамал сел на ржавый ящик из-под патронов, я

— на свой спальный мешок, который уже превратился в лепёшку. Перед нами на

столе лежала ампула, дневник, который я нашёл в шкафу, и старая рация, которая не работала лет десять.

— Ты серьёзно хочешь это вколоть? — Джамал кивнул на ампулу. — Арни, мы

не знаем, что там. Это же не вакцина. Это — сыворотка, созданная для

переписывания генома.

— Я знаю, — ответил я, не отрывая взгляда от дневника. На его страницах —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.